

Вернувшись домой, Сюэ Динъюань понял, что действительно поступил как идиот. Разве они не собирались купить рис для каши Лаба на рынке? Где рис? Где рис?

Чтобы Чу Хуншэн не заметил его глупости, он решил занять себя делом и начал снимать постельное бельё с кровати, на которой спал Линь Юнмин, перекладывая матрас и простыню с дивана-кровати на кровать.

Чу Хуншэн увидел действия Сюэ Динъюаня. Он хотел было сказать, что сам будет спать на диване, но...

В итоге он не стал останавливать Сюэ Динъюаня и пошёл принимать душ, а Сюэ Динъюань в это время повалялся на кровати. Ммм, с дополнительным матрасом стало гораздо мягче и комфортнее.

Когда Чу Хуншэн вышел из душа и начал убирать комнату, Сюэ Динъюань пошёл в ванную стирать постельное бельё. Стирая, он сам не заметил, как снова глупо улыбнулся.

Когда он закончил и вышел, Чу Хуншэн уже почти всё прибрал. Время было позднее, и они с молчаливым согласием направились к кровати.

Теперь у них было два одеяла, и не было нужды делить одно. Но... кровать была маленькой, а два зимних одеяла занимали много места, и Сюэ Динъюань почувствовал, как его начинает раздражать теснота.

К полуночи он в полусне чувствовал, что то ли спит, то ли нет, и его что-то беспокоило. Он ворочался, пока его одеяло не упало на пол.

Хотя он был в полусне, ему было лень вставать и поднимать одеяло. Он лишь перевернулся пару раз, а потом услышал, как кто-то вздохнул, и его потянули под одеяло, обняв...

Его сердце мгновенно успокоилось, и в следующую секунду он крепко заснул.

Возможно, из-за плохого сна ночью, утром Сюэ Динъюань спал крепко, но биологические часы всё равно разбудили его. Однако, открыв глаза, он обнаружил, что рядом никого нет.

Он услышал звуки из кухни и не стал торопиться, а вместо этого посмотрел на два яблока, лежащие на столе. Он смотрел на них целых пять минут, прежде чем встать, сложил одеяло и вышел.

На кухне витали белые пары, наполненные сладким ароматом. Сюэ Динъюань вошёл:

— Что ты делаешь?

Чу Хуншэн открыл крышку кастрюли, и сладкий запах стал ещё сильнее:

— Разве мы не собирались варить кашу Лаба?

Сюэ Динъюань был поражён и молчал несколько секунд:

— Но... но мы же вчера забыли купить рис.

Дома точно не было всего, что нужно для каши Лаба.

Чу Хуншэн кивнул:

— Я с утра пошёл и купил.

Сюэ Динъюань хотел было спросить, не дурак ли он, ведь можно было просто купить готовую кашу, но почувствовал, что это будет неуважением к его усилиям, и потому молча крутился на кухне.

Чу Хуншэн, видя, как он ходит туда-сюда:

— Иди чисти зубы и умывайся, потом будем завтракать.

Сюэ Динъюань почувствовал себя ещё более виноватым. Кашу Лаба нужно варить как минимум час. Во сколько же Чу Хуншэн встал?

Всё из-за того, что он вчера перевёл разговор на кашу Лаба, и теперь Чу Хуншэн встал так рано. Он чувствовал себя виноватым.

Он быстро умылся и вышел, увидев, что Чу Хуншэн уже налил кашу и поставил на стол, а в руках держал пакет с булочками:

— С говяжьей начинкой, в этой лавке всегда очередь, должно быть вкусно.

Сюэ Динъюань сел за стол и, не трогая булочки, сначала попробовал кашу:

— Я люблю кашу.

В каше, должно быть, был сахар, но не слишком сладкий, а приятный, и он чувствовал, как сладость проникает в сердце. Он вышел из дома, чувствуя себя лёгким, и уголки его губ неудержимо поднимались вверх.

Это состояние продолжалось до тех пор, пока он не дошёл до здания Лэцин, где он наконец собрался и вошёл внутрь. Убирая магазин, он делал вид, что беспокоится.

Когда он закончил, Ло Синьнин, как и ожидалось, пришла, и выражение её лица было таким, как он и предполагал — не самое лучшее.

Сюэ Динъюань действительно начал беспокоиться и поспешно подошёл к ней:

— Нин, что случилось?

Но Ло Синьнин, казалось, не сразу поняла, что он сказал, и только через несколько секунд подняла голову:

— А, Сюэ, что ты сказал?

Сюэ Динъюань повторил свой вопрос, но Ло Синьнин всё ещё была в задумчивости.

Сюэ Динъюань подумал, что, вероятно, её мировоззрение вчера сильно пошатнулось, и она до сих пор не пришла в себя, поэтому он не стал больше беспокоить её и дал ей время подумать.

Сюэ Динъюань был прав, но не совсем.

Образ У Юаньсуна в глазах Ло Синьнин вчера был разрушен, и для неё это действительно было ударом, но не слишком сильным.

Потому что некоторые проблемы уже давно существовали, просто она сама себя обманывала.

Сейчас она была так рассеяна, потому что чувствовала, что ей нужно серьёзно обдумать свои отношения.

Раньше она всегда думала, что У Юаньсун, хотя и беден, но добр, ответственен, имеет чувство собственного достоинства, предан и надёжен. Хотя он был немного высокомерен, но разве не все студенты престижных университетов такие?

Но человек, которого она считала добрым, вчера сказал такие слова...

Вчера, вернувшись домой, она сразу же позвонила У Юаньсуну, чтобы объяснить, что произошло.

Но она даже не успела заговорить, как он начал обвинять её, говоря, что она помогала чужим, а не своим родственникам, что Ван Гоуа даже ударили, а она ничего не сделала, не вызвала полицию, чтобы арестовали Сюэ Динъюаня, и теперь ей нужно немедленно пойти извиниться перед Ван Гоуа, проявить искренность и купить фрукты и витамины.

Ло Синьнин почувствовала, как внутри неё вспыхнул гнев, но она подумала, что, возможно, Ван Гоуа не сказал всей правды, и У Юаньсун просто не понял, что произошло, поэтому она хотела объяснить.

Но У Юаньсун не хотел слушать. Он с раздражением сказал, что очень устал, что работает в важном отделе компании и у него большой стресс, и он не хочет знать, что произошло. Ему нужно, чтобы она поддерживала своих родственников, а не чужих, чтобы Ван Гоуа вернулся на работу, а Сюэ Динъюаня уволили.

Это было просто смешно, и она серьёзно сказала У Юаньсуну, что им нужно поговорить.

Возможно, она всегда была мягкой и понимающей, и теперь, когда она заговорила так серьёзно, У Юаньсун, хоть и с раздражением, но позволил ей продолжить.

Но когда Ло Синьнин рассказала о поступках Ван Гоуа, она получила лишь ответ:

— Ну и что? Синьнин, не будь такой мелочной, подумай, он же называет тебя невесткой, значит, он тебя признал, а те слова были просто сказаны в гневе, зачем ты на них обращаешь внимание?

Её гнев вспыхнул с новой силой, но с другой стороны она услышала:

— Синьнин, я же говорил тебе, что его семья мне помогла, разве ты не можешь потерпеть ради меня?

Ло Синьнин почувствовала грусть. Она уже терпела один раз, когда У Юаньсун сказал, что устал на работе, и зачем она беспокоит его такими мелочами.

Она знала, что начало работы всегда стрессовое, а Ван Гоуа просто хотел денег, она и дала.

Но теперь?

То, что сказал Ван Гоуа, даже Сюэ Динъюань не смог слушать, но её парень не сказал ни слова утешения, а только обвинял её в мелочности и в том, что она не ценит его родственников.

Её молчание наконец вызвало мягкий ответ:

— Синьнин, сделай это ради меня, хорошо?

Ло Синьнин стиснула зубы. На самом деле, если она будет с ним, то должна хорошо относиться к его родственникам, уважать его родителей, это правильно, и она всегда с этим соглашалась.

Но теперь она поняла, что это «хорошо» не означает, что она будет хорошо относиться к другим, а другие будут хорошо относиться к ней. Это означает, что она должна постоянно снижать свои стандарты, то есть, даже если кто-то переходит границы, она должна терпеть.

Возможно, потому что она не сразу согласилась, голос на другом конце стал раздраженным:

— Синьнин, почему ты такая непонятливая? Я же говорил, что моя семья бедная, и родственники тоже бедные, я никогда этого не скрывал, но я же сразу сказал, что если ты со мной, то не должна смотреть на них свысока, не должна вести себя как избалованная девчонка. Если ты не можешь этого принять, я не буду тебя заставлять.

У автора есть что сказать:

Чу Хуншэн: Тебе правда почти сорок?

Сюэ Динъюань: Ты моя первая любовь, первая любовь, ты понимаешь?

...

Пусть они немного наслаждаются сладостью, а потом пойдёт сюжет.

Я буду писать по шесть тысяч слов в день, сколько смогу протянуть, но не гарантирую, *плачет*.

<http://bllate.org/book/16745/1561795>